Белая перчатка

Автор:
Томас Рид

Белая перчатка

Томас Майн Рид

«Встретить в лесу женщину, одну, в глухой чаще! Такая встреча невольно вызывает любопытство, будь это простая цыганка или крестьянская девушка, собирающая хворост.

Если же эта незнакомка – златокудрая красавица, она пробуждает в вас не только любопытство, но изумление и восторг. Юное прелестное золотоволосое создание невольно пленяет ваш взор и вызывает благоговейное восхищение. Марион Уэд бесспорно обладала всеми качествами, способными внушить такое чувство: это была прелестная белокурая девушка, и она была одна-одинешенька в лесу…»

Томас Майн Рид

Белая перчатка

Глава I

Марион Уэд

Встретить в лесу женщину, одну, в глухой чаще! Такая встреча невольно вызывает любопытство, будь это простая цыганка или крестьянская девушка,

собирающая хворост.

Если же эта незнакомка – златокудрая красавица, она пробуждает в вас не только любопытство, но изумление и восторг. Юное прелестное золотоволосое создание невольно пленяет ваш взор и вызывает благоговейное восхищение. Марион Уэд бесспорно обладала всеми качествами, способными внушить такое чувство: это была прелестная белокурая девушка, и она была одна-одинешенька в лесу.

И то, что она сидела на белой лошади, держала на руке сокола, а за ней бежала ее собака, – не только не уменьшало интереса к ней, а даже наоборот. Ведь кругом не было ни души; лошадь, сокол и собака были ее единственными спутниками.

Ясно, что она сама пожелала уединиться, ибо дочь сэра Мармадьюка Уэда почли бы за честь сопровождать многие доблестные рыцари из его свиты.

Небо было осеннее; полуденное солнце стояло высоко, и его золотистый свет, пробиваясь сквозь листья, отражался в сверкающей синеве, подобной синеве небосвода. Это не была синева гиацинта, мелькающая в лесной чаще, и не скромной фиалки, что растет по краям тропинки. В октябре не бывает ни тех, ни других. Это была более глубокая, ослепительная синева чудесных глаз Марион Уэд.

Солнечные лучи играли на ее белокурых косах, вспыхивая, сливались с золотом ее волос и приникали пламенным поцелуем к белоснежным щечкам, покрытым нежным румянцем, заметным даже в лесном сумраке.

Что она делает здесь, одна в лесу, без спутников, без провожатых? Охотится с соколом?

Казалось бы, так, если судить по птице, сидящей на ее затянутой в перчатку руке. Но уж сколько раз дичь соблазнительно мелькала перед ней, а голова сокола по-прежнему накрыта колпачком и путы крепко держат его за ноги.

Может быть, она сбилась с дороги? Заблудилась?

Не похоже. Вот тропинка. А вон там подальше – роскошный парк, обнесенный оградой, и вдоль нее – проезжая дорога. За оградой среди деревьев в глубине парка выступает величественное здание. Это знаменитая усадьба Бэлстрод; она существует со времен Альфреда Великого[1 - Альфред Великий (849–900) – король англосаксонского королевства Уэссекса в 871–900 годах. Вел упорную борьбу с датскими завоевателями; положил начало морскому флоту; покровительствовал просвещению.]; и это родительский дом Марион. Значит, она не могла заблудиться.

Но почему же тогда она заставляет свою лошадь топтаться на одном месте? Проедет с десяток шагов и снова возвращается назад. Если даже Марион и не заблудилась в лесу, то во всяком случае мысли ее блуждают где-то очень далеко.

Ее как будто огорчает уединенная тишина этой лесной тропинки: она то и дело останавливается и нагибается в седле, словно прислушиваясь к каким-то звукам.

Можно подумать, что она ждет кого-то…

Но вот издалека доносится стук копыт. Всадник едет по лесу. Его еще не видно, но по стуку копыт, ударяющих по утоптанной земле, можно судить, что он едет по тропинке и что он приближается к Марион.

Невдалеке в лесу виднеется просека с зеленой лужайкой. Ее перерезает тропинка, которая ответвляется от проезжей дороги возле ворот бэлстродского парка и идет потом дальше через холмы на северо-запад.

По этой-то тропинке и кружит Марион Уэд, то углубляясь на несколько шагов в сторону, то останавливаясь, но во всяком случае никуда не удаляясь.

Вот она выехала на лужайку. На самой середине ее стоит громадный бук, широко раскинув свои могучие ветви, словно стараясь укрыть всю лужайку зеленым шатром. Тропинка бежит под его ветвями.

Под его густым сводом прекрасная всадница останавливает лошадь, словно желая защитить от палящих лучей полуденного солнца и сокола, и собаку, и коня.

Но нет! У нее другая цель. Она остановилась, чтобы подождать приближающегося всадника, и сейчас ни сокол, ни собака, ни лошадь не занимают ее мысли.

Она пристально вглядывается в ту сторону, откуда доносится стук копыт. Глаза ее горят радостным ожиданием.

И вот вскоре из-за поворота появляется всадник: крестьянин в грубой одежде на простой деревенской кляче!

Неужели это тот, кого ждала Марион Уэд?

Возглас досады срывается с ее надутых губок:

– Ах! Я могла бы по топоту копыт догадаться, что это не благородный конь, а деревенская кляча!

Поселянин, поравнявшись с ней, отвешивает неловкий поклон.

На его поклон едва отвечают рассеянным и небрежным кивком. Он удивлен: ведь он знает эту юную леди – дочь сэра Мармадьюка Уэда, любимицу всей деревни, всегда такую приветливую со всеми. Разве он мог догадаться, как он ее разочаровал!

Вот поселянин уже скрылся из виду, и мысли ее теперь далеко от него: не удаляющийся топот его лошади жадно ловит настороженный слух Марион, а частый звонкий стук подков, гулко подхватываемый лесным эхом. Теперь его уже слышно совсем явственно, и наконец на повороте тропинки появляется другой всадник.

Какой разительный контраст с только что проехавшим поселянином! Это всадник с благородной осанкой. На нем шляпа с перьями; он нетерпеливо шпорит своего прекрасного вороного коня, и тот мчится, закусив удила; пена хлопьями выступает на его взмыленной шее.

Достаточно взглянуть на этого скакуна, чтобы понять восклицание девушки о «благородном коне», а один беглый взгляд на всадника безошибочно

подтверждает, что это и есть тот самый человек, которого ждет Марион Уэд.

Но она не удостаивает его и беглым взглядом. Она даже не глядит в ту сторону, откуда он приближается. Она спокойно сидит в седле, сохраняя невозмутимое равнодушие. Но это напускное равнодушие. Сокол, вздрагивающий на ее руке, явно изобличает охватившую ее дрожь, а высоко вздымающаяся грудь выдает скрытое волнение.

Легким аллюром всадник выезжает на лужайку. Увидев девушку, он осаживает коня и заставляет его идти медленнее, словно желая выразить свои почтительные чувства.

Марион по-прежнему сохраняет все то же деланное равнодушие и ледяную невозмутимость, хотя все мысли ее устремлены к приближающемуся всаднику.

Послушаем, как она рассуждает сама с собой: это позволит нам заглянуть в ее мысли и представить себе характер взаимоотношений, существующих между прекрасной всадницей и благородным всадником, которых случай или умысел свел на этой уединенной тропинке.

«Если он заговорит со мной, – спрашивает себя девушка, – что я ему скажу? Что я могу сказать? Он, конечно, знает, что не случай привел меня сюда. Да ведь это уже который раз! Если бы я думала, что он знает правду, я умерла бы со стыда! Мне хочется, чтобы он заговорил, и в то же время я боюсь этого. Ах, мне нечего бояться! Он никогда сам не заговорит. Сколько раз он уже проезжал вот так мимо, не промолвив ни слова! Но разве его взгляды не говорят мне, что он жаждет этого! Ах, эти несносные правила высшего света, которые не позволяют незнакомым людям быть просто вежливыми друг с другом, не нарушая приличий! Я бы хотела, чтобы мы были простыми крестьянами, только пусть он останется таким же красивым! Как ужасно быть связанными глупыми светскими правилами, в особенности если ты – женщина! Ведь я не смею заговорить первая: это унизило бы меня даже в его глазах. Неужели он проедет мимо, как и раньше? Неужели нет никакой возможности нарушить эту невыносимую сдержанность?»

Мысленные восклицания, последовавшие за этим, свидетельствовали о том, что прекрасная всадница обдумывает какой-то план, только что пришедший ей в голову.

«Да как же я решусь на это? И что сказал бы мой гордый отец, если бы он узнал? Даже моя добрая кузина Лора и та пристыдила бы меня. Совершенно незнакомый человек, ведь я знаю только его имя, – и это все. Может быть, даже он и не джентльмен? О нет, нет, нет! Этого не может быть! Если он не владеет поместьями, все равно он владеет моим бедным сердцем! Я не могу не обратиться к нему, если даже потом сгорю от стыда и раскаяния. Я это сделаю, сделаю!»

Эти слова показывали, что Марион на что-то решилась. Но на что же?

Ответ мы угадываем в ее поступке, мгновенно последовавшем за этими словами. Быстрым движением девушка сбросила сокола с руки на шею коня, и птица тотчас же судорожно вцепилась в белоснежную гриву. Затем, сняв с руки белую перчатку, Марион небрежно уронила ее на седло, позволив ей соскользнуть с колен по амазонке. Перчатка упала посреди тропинки.

Все это произошло в одно мгновение. Марион, как будто не заметив потери, натянула поводья лошади и, едва взмахнув хлыстом, выехала из-под буковых ветвей, повернув прочь от приближавшегося всадника.

Сначала она ехала медленно, по-видимому надеясь, что он ее догонит. Потом пустила лошадь рысью, все быстрее и быстрее, и наконец помчалась во весь опор, как будто, внезапно передумав, решила во что бы то ни стало избежать встречи. Ее толстые золотые косы, выбившись из-под гребня, взлетая, били по крупу лошади. Щеки ее пылали, глаза сверкали лихорадочным возбуждением, в них проскальзывало что-то, похожее на стыд. Она стыдилась своего поступка, и раскаивалась в нем, и страшилась его последствий.

И вместе с тем ее нестерпимо тянуло оглянуться назад; но она не решалась.

И вот наконец на повороте тропинки ей представилась эта возможность. Поворачивая лошадь, она бросила взгляд на то место, где упала ее перчатка.

Зрелище, открывшееся ей, было отрадно для ее взора: всадник, нагнувшись с седла, только что поднял перчатку на острие своей блестящей шпаги!

Что всадник с ней сделал, Марион не пришлось увидеть. Лошадь ее свернула в чащу деревьев, которые скрыли всадника. Он, конечно, легко мог догнать ее

на своем быстроходном коне, но, сколько ни прислушивалась, она не слышала позади себя стука подков.

Марион вовсе и не желала, чтобы он ее нагнал. Достаточно с нее унижений на сегодня, хотя, правду сказать, она сама навлекла их на себя, по доброй воле. Она продолжала мчаться во весь опор до тех пор, пока не очутилась в ограде парка и не увидела перед собой стены родительского дома.

Глава II

Бет Дэнси

Если Марион Уэд охватило такое смятение чувств после того, как она нарочно уронила с руки столь красноречивый сувенир, то не меньшее смятение охватило и Генри Голтспера, когда он поднял его.

Если бы Марион задержалась еще на миг, она увидела бы, как всадник бережно снял перчатку с острия шпаги, пылко прижал ее к губам с ликующим видом, а затем прикрепил рядом с пером на тулье своей шляпы.

Она видела только, что ее вызов принят, и с радостным трепетом, смешанным с чувством стыда, тут же ускакала прочь.

А всадник, осчастливленный своей находкой, по-видимому, пришел в замешательство: он не знал, можно ему следовать за нею или нет. Внезапное исчезновение девушки, казалось, налагало на него запрет, и он, сдержав свой пыл, осадил коня и остался под тенью приютившего его бука.

Несколько минут он сидел в седле, погруженный в размышления. На лице его явно отражалась борьба чувств: радость и восторг сменялись мучительным сомнением, и даже что-то похожее на горечь и раскаяние не раз омрачало его черты. Мы скорее разберемся в этой смене выражений, если попробуем заглянуть в его мысли.

«Могу ли я быть уверен, что это предназначалось мне? Но как же можно сомневаться? Будь это только один раз, я мог бы объяснить все случайностью. Но ведь это уже не первая встреча в лесу, на той же тропинке! Зачем же она каждый раз встречает меня здесь, если… А ее взгляд? Раз от разу все красноречивей и нежнее! О, как сладостно это внимание! Как не похоже на ту, другую любовь, что завершилась так грустно! Тогда меня отличали за мое положение, за блестящую будущность, за богатство. А когда все это исчезло, меня покинули!.. Если она любит меня, то ее чувство не может быть связано с такими расчетами! Она не знает меня, не знает даже моего имени! А то, что она могла слышать обо мне, ничего не говорит ей ни о моем происхождении, ни о моем состоянии. Если она любит меня, то только ради меня самого. Какое блаженство поверить этому!»

Глаза всадника сверкнули торжеством, и он гордо выпрямился в седле.

Но тут же мысли его приняли другой оборот, и вся радость мигом погасла.

«Но ведь когда-нибудь она узнает? Должна узнать! Ведь я сам должен открыть ей эту страшную тайну. О, сладостная мимолетная мечта, что останется от нее? Сразу наступит конец всему, и любовь ее обратится в ненависть, в презрение! О боже! Подумать только – такой конец! Знать, что ты завоевал ее любовь и никогда не сможешь вкусить плодов победы!»

Черты всадника омрачились глубокой скорбью.

«Зачем я только поддался этому увлечению, позволил ему зайти так далеко и жажду его продлить? Что можно на это ответить? Только одно: а кто бы устоял? Кто может устоять? Такова уж природа человека: как можно взирать на такое прелестное существо и не жаждать, чтобы оно стало твоим! Видит бог, я старался побороть эту несчастную страсть, заглушить ее, вырвать из своего сердца. Я пытался избегать встречи с той, которая мне ее внушала. Может быть, это и удалось бы мне, если бы она… Увы! У меня больше нет сил сопротивляться. Нет сил, а теперь нет уже и желания. Меня неудержимо влечет к ней, я не могу устоять, – как мотылек, который летит на свет, хотя его ждет верная гибель».

И тут на лице его отразилось горькое раскаяние. Чем оно было вызвано? По-видимому, это была какая-то тайна, в которой он не смел признаться даже себе самому.

«А что, если все это просто случайность? – воскликнул он, снова охваченный сомнением. – Все, все, что сделало меня таким счастливым и вместе таким несчастным? Эти взоры, что дарили мне такое блаженство и в то же время пробуждали во мне угрызения совести, когда я невольно отвечал на них пламенным взглядом – быть может, читая в них больше того, что было? Если она хотела, чтобы я поднял перчатку и возвратил ей, почему она не подождала, чтобы взять ее из моих рук? Может быть, я не так понял ее? Неужели я просто жертва собственной фантазии и тешу себя призрачной надеждой, вызванной чрезмерным тщеславием?»

Раскаяние на его лице сменилось глубокой грустью. Сейчас всадник, по-видимому, не огорчался тем, что его так любят, – наоборот, он горевал, что его совсем не любят, и это было гораздо более горькое чувство.

«Нет! Я не мог ошибиться. Я видел – перчатка была у нее на руке и на ней сидел сокол. И я сам видел, как она вдруг сбросила птицу на шею лошади и стянула перчатку, и в тот же миг перчатка выскользнула из ее рук! Конечно, она сделала это умышленно!»

Он поднял руку к шляпе, снял перчатку и снова прижал ее к губам.

– О, если бы она сейчас была на ее ручке! – с жаром воскликнул он, увлекаясь сладкой мечтой. – Если бы я мог прижать к губам ее пальчики вот так же, – и чтобы они не сопротивлялись, – ах, я мог бы тогда поверить, что есть еще счастье на земле!

Шаги, донесшиеся до его слуха, прервали эту восторженную речь. Шаги были легкие, свидетельствующие о приближении женщины; вернее, она уже была тут, так как, обернувшись, он увидел, что она стоит рядом с его лошадью.

Он увидел хорошенькое личико; быть может, даже он нашел бы его красивым, если бы перед его взором не стояло сейчас другое лицо, всецело поглощавшее его мысли. Эта незаметно подошедшая молоденькая девушка была достойна внимания, несмотря на свое скромное крестьянское платье.

И лицо ее и фигура невольно привлекали взгляд, она нигде не прошла бы незамеченной. И этим она была обязана не своему наряду или каким-нибудь искусным ухищрениям, а исключительно природе, которая проявила к ней

необыкновенную щедрость.

В этой юной девушке, рослой и статной, с округлыми формами, ловкими, крепкими руками и быстрыми движениями, чувствовалась гордая, пламенная натура с сильными страстями.

Ее глаза, если бы они не были так черны, можно было бы сравнить с глазами орлицы; роскошный хвост коня Генри Голтспера вряд ли мог поспорить длиной с ее великолепными черными волосами, блестящими и мягкими, а ее зубки превосходили своей белизной даже меловые отроги ее родимых гор – Чилтернских холмов.

Одеть ее в шелка, атлас и бархат – она выглядела бы настоящей королевой. Украсить ее жемчугами и драгоценностями – любая придворная дама позавидовала бы такой красотке. Даже в простом домотканом деревенском платье она была прекрасна, и ее лицо под пышной короной черных как смоль волос, украшенных полевыми цветами, могло бы внушить зависть принцессе.

Взгляд, устремленный на нее всадником, не выразил ни удивления, ни восхищения. По этому спокойному взгляду, сопровождавшемуся коротким кивком, можно было заключить, что он узнал ее.

Взгляд девушки был далеко не столь равнодушен. Всякий, глядя со стороны, мог бы заметить, что она любит этого человека.

Всадник не обратил внимания на ее восхищенный взгляд, а может быть, даже и вовсе не заметил его. Все внимание его было поглощено письмом, которое она держала в протянутой руке. Письмо было адресовано ему.

– Спасибо! – сказал он, вскрывая печать. – Твой отец, должно быть, привез его из Эксбриджа, не так ли?

– Да, сэр. Он тут же послал меня к вам и велел спросить, будет ли ответ. Вас не было дома, вот я и принесла его сюда. Правильно я сделала, сэр?

– Конечно! Но как ты узнала, где меня найти? Ведь мой немой слуга Ориоли не мог тебе этого сказать.

– Он показал мне знаками, сэр, что вы поехали по этой дороге. Я и подумала, что встречу вас здесь; отец сказал, что для вас, может быть, важно получить письмо как можно скорее.

Щеки девушки густо зарделись, когда она объясняла все это. Ведь отец вовсе не посылал ее сюда. Он велел ей оставить письмо в Каменной Балке, где жил Генри Голтспер. Всадник, поглощенный письмом, не заметил ни ее румянца, ни смущения.

– Это очень мило с твоей стороны, – сказал он, с признательностью взглядывая на девушку, после того как прочел письмо. – Твой отец угадал правильно. Для меня было очень важно получить это письмо вовремя. Можешь сказать ему, что ответа не будет. Я должен дать ответ лично и немедленно. Но скажи мне, Бетси, чем я могу вознаградить тебя за эту услугу? Может быть, подарить тебе ленту для твоих прекрасных черных волос? Только какого цвета? Мне кажется, голубая – вот как эти цветы – не очень идет тебе. Может быть, лучше красную?

Как ни старался он быть любезным, его слова явно не понравились девушке. Видно, это были не те, которые ей хотелось бы услышать.

– Благодарю вас, сэр, – ответила она, и в ее голосе слышалась обида или, может быть, какое-то другое, внезапно вспыхнувшее чувство. – Красивая лента вряд ли подойдет к моим жестким волосам. Хороши для них и эти цветы!

– Полно, Бетси! Ты клевещешь на свои прекрасные косы. Правда, их от этого не убудет; но ведь ты сама знаешь, что они не жесткие и не грубые. Ну уж, если ты отказываешься от ленты, ты должна принять от меня деньги. Я никак не могу допустить, чтобы такая важная услуга осталась без награды. Вот возьми себе золотой и купи на него сама что тебе хочется – шарф, платье, перчатки – словом, что-нибудь по своему вкусу.

Однако, к немалому удивлению всадника, его щедрость была отвергнута и на этот раз без всякого гнева, но с таким явным огорчением, что, если бы он хоть сколько-нибудь подозревал о том, что за ним скрывается, он не мог бы его не заметить.

– Ну хорошо, – сказал он, пряча монету в кошелек. – Право, жаль, что ты не позволяешь мне отплатить за твою услугу. Но, может быть, мне еще

представится случай? А теперь пора в путь. Письмо, которое ты мне передала, не позволяет мне медлить ни минуты. Премного тебе благодарен, Бетси, счастливо оставаться!

Конь, почувствовав шпоры, вылетел стрелой на тропинку, и всадник помчался к дороге на Эксбридж и скрылся за поворотом, исчезнув из глаз черноокой девушки, которая до самой последней минуты провожала его взглядом, полным страсти и разочарования.

Глава III

Ревнивый поклонник

Девушка несколько минут прислушивалась к удаляющемуся звонкому стуку подков, затихавшему вдали. Потом, опустив глаза, застыла на месте, скрытая густой листвой; ее смуглое лицо омрачилось; казалось, на него легла глубокая тень.

Некоторое время она стояла задумавшись.

– Я взяла бы от него ленту, если бы он мне ее подарил, – прошептала она. – Но ведь это был не подарок. Нет! Он просто хотел мне заплатить и даже совал мне деньги – вот что самое обидное! Ах, если бы он предложил мне прядь своих волос! Это было бы для меня дороже всякого золота, всех золотых монет в его кошельке, всех шелков в эксбриджских лавках! Он сказал, что у меня прекрасные волосы, два раза сказал! Мне самой они вовсе не кажутся красивыми, хотя я часто слышала это от других. Мне хотелось бы, чтобы они были не черные, а золотистые, как у мисс Марион Уэд. Вот тогда они были бы красивые! Он сказал, что голубое мне не к лицу. Долой противный цвет! Никогда больше Бет Дэнси не воткнет себе в волосы голубых цветов!

С этими словами она выдернула из косы букетик барвинков, приколотый гребнем, и бросила его себе под ноги.

«Мне подарил их Уилл. Он только что нарвал их, всего какой-нибудь час назад. Что, если бы он их теперь увидел! Ах, не все ли мне равно! Стоит ли об этом думать? Разве я когда-нибудь поощряла его? Никогда! И цветы эти приколола не затем, чтобы понравиться ему, а потому, что мне хотелось украсить себя для того, кого я люблю. Если бы я знала, что ему не нравится голубой цвет, так ведь в старом саду Каменной Балки масса красных цветов. Я могла бы сорвать несколько красных цветочков, когда шла по саду. Какая жалость, что я не знала, какой цвет ему больше по вкусу!»

– Ах, что это? – воскликнула она, выйдя на тропинку и наклонившись над тем местом, где упали цветы; на земле виднелись свежие следы. – Это не его лошадь. Маленькая подкова… Я знаю ее – это лошадь мисс Марион Уэд!

С минуту она стояла нагнувшись и молча разглядывала следы. Она видела, что это свежие следы; кто-то проезжал здесь сегодня… может быть, с час назад.

Отец ее служил лесничим, но тайком был не прочь поохотиться за ланями. Бетси родилась в лесу, выросла под тенью его деревьев. Она хорошо разбиралась в лесных следах, и то, что она прочитала сейчас по этим свежим следам, смутило и взволновало ее.

– Мисс Марион Уэд была здесь! – воскликнула она. – Последнее время я часто видела в лесу эти следы, а два раза встретила и ее самоё. Что может ее привлекать на этой глухой тропинке? Зачем она была здесь сегодня утром? Не затем ли, чтобы встретиться с ним?

Она не успела ответить себе на этот вопрос. Едва только у нее вырвалось это восклицание, как невдалеке послышался конский топот: кто-то скакал по дороге.

Может быть, это всадник возвращался обратно?

Нет. Это был простой деревенский парень верхом на своей лошаденке, тот самый, что проезжал здесь час назад и доставил такое разочарование красавице Марион Уэд.

Это был лесоруб Уилл Уэлфорд.

– А, Бет! Это ты? – закричал он, подъехав ближе. – Ведь я только что видел тебя дома, в твоей избушке! Что это тебе понадобилось здесь?

– А отец тут же вернулся, только ты уехал. Он, верно, шел лесом, и вы разминулись.

– Похоже, так оно и было, – отвечал парень, явно подозревая какое-то увиливание. – Да только ты не ответила на мой вопрос. Я спрашиваю тебя: как ты попала сюда, на эту дорогу?

– Я… Ах, ты про меня спрашиваешь, Уилл?

– Ну да. А про кого же еще, как не про тебя, Бет?

– Отец привез из Эксбриджа письмо для мастера Голтспера. Он очень устал с дороги, а так как ты угнал его лошадь, он и послал меня в Каменную Балку.

– В Каменную Балку! Да разве эта дорога ведет в Каменную Балку? До нее отсюда по меньшей мере полмили.

– А я сначала пошла туда. Мастера Голтспера не было дома, а его немой слуга показал мне знаками, что он поехал в эту сторону и скоро вернется. Вот я и пошла ему навстречу. Отец сказал, что письмо очень важное, и велел тут же передать в руки мастеру Голтсперу.

– Так ты его видела, Голтспера?

– Видела, Уилл. Я его встретила под старым буком.

– Ну, и что же ты сделала?

– Отдала письмо. Что же я еще могла сделать?

– То-то же! Кто тебя знает, Бет Дэнси… Очень уж ты любишь бегать по чужим делам, а в особенности для мастера Голтспера! Что, разве я не правду говорю?

– Я бегала по поручению отца. Как же я могла не передать письма, раз он меня за этим и послал…

– Ну ладно, ладно! – перебил ее ворчливый поклонник, по-видимому удовлетворенный этим объяснением, которое несколько успокоило его ревнивые подозрения. – А ну-ка, полезай, садись сзади! Подушки-то у меня, правда, нет, да это тебе нипочем. Ведь это ваш мерин, Бет, он тебя знает и как только почувствует хозяйку на своем крупе, так обрадуется, что станет мягче перины! А где же мои цветы, которые я нарвал тебе, чтобы ты воткнула в косы?.. Гляди-ка, вон они валяются на земле!

– Да, правда! – промолвила Бет с притворным удивлением. – Должно быть, они упали, когда я поправляла волосы. Отец так торопил меня, что я кое-как наспех заколола их гребнем. Ох, уж эти мои волосы! Просто мученье! Такие густые, что никак не причешешь. Уж я думаю, не остричься ли мне… Ведь вот пуритане[2 - Пуритане (от латинского purus – чистый) – английская религиозная секта, сыгравшая большую роль в английской буржуазной революции XVII века. Пуритане отличались суровостью и простотой нравов, они осуждали роскошь, легкомыслие и суетные развлечения знати. Правительство подвергало пуритан суровым преследованиям. Умеренная часть пуритан называлась пресвитерианами, более радикальная – индепендентами.]… Сколько их у нас развелось – все ходят с короткими волосами. А? Как ты думаешь?

– Нет, черт возьми, не смей этого делать! Остричь такие красивые волосы! Да ты только себя изуродуешь! А цветы что жалеть! Нарвем еще – вон сколько их повсюду растет! А ну-ка, влезай поживей! Мне недосуг – надо скорей повидать твоего отца. Прыгай, и едем домой!

Девушка не очень охотно подчинилась этому требованию, или, вернее, приказу, и, взобравшись на круп лошади, обхватила за пояс своего дружка – так, по крайней мере, называл себя влюбленный Уилл, внушавший Бетси скорее страх, а не какие-то иные чувства.

Глава IV

Кузины

Очутившись за оградой парка, Марион Уэд осадила лошадь и шагом подъехала к родительскому дому.

Пунцовая краска на ее щеках сменилась бледностью. Даже губы ее побледнели.

Она робко оглядывалась по сторонам, и в глазах ее мелькало какое-то виноватое выражение, как если бы она совершила преступление и боялась, что его откроют. Но кому пришла бы в голову мысль о преступлении при взгляде на это прелестное личико!

Она непринужденно сидела в седле, и ее статная фигура мягко покачивалась на спине иноходца, медленно поднимавшегося в гору по аллее парка.

Сокол сидел у нее на запястье, но перчатка уже не защищала руки, и острые когти, вцепившиеся в нежную кожу, разодрали ее в кровь. Тонкая струйка крови текла по атласной кисти и капала с кончиков пальцев.

Она не чувствовала раны и не замечала крови. Душевные переживания притупили ее чувствительность. Всецело поглощенная своим неосторожным поступком, уже почти раскаиваясь в нем, она не замечала ничего, пока лошадь не остановилась под окнами дома.

Отдав повод конюху, она легко спрыгнула на землю и тихонько направилась к боковому входу, надеясь войти незаметно.

У себя в комнате она могла без стеснения дать волю чувствам, бушевавшим в ее груди.

Но ее надежды не оправдались. Не успела она переступить порог, как чей-то звонкий голос окликнул ее с террасы, в ту же минуту хорошенькая девушка, почти такая же прелестная, как и она сама, выбежала ей навстречу и пошла с нею рядом.

Это была Лора, Лора Лавлейс, ее кузина, о которой она вспоминала в лесу.

– Дай мне моего любимца! – воскликнула Лора, повернувшись к ней и снимая сокола с ее руки. – О Марион! – вскричала она, отшатнувшись при виде крови. –

Что это такое? Ты ранена?

– Да, правда! Я и не заметила. Наверно, сокол оцарапал меня когтями. Вот злючка! Надо подрезать ему коготки. Да ты не беспокойся, это пустяки.

– А где же твоя перчатка, Марион? Если бы она была у тебя на руке, он бы тебя так не исцарапал.

– Ах, верно, перчатка! Где же она? Дай-ка я ее поищу.

Марион осмотрела свое платье, встряхнула шляпу – словом, перебрала все, за что могла зацепиться перчатка, и ничего не нашла.

– Должно быть, я обронила ее, – сказала она, прикидываясь удивленной. – А может быть, она зацепилась за что-нибудь в седле? А если нет, значит, я потеряла ее дорогой. Ну, ничего! Куплю себе новую пару, вот и все.

– Милая кузина, – сказала Лора умоляющим тоном, – мне делается так страшно, когда я вижу кровь! Я очень беспокоюсь, когда ты уезжаешь одна так далеко на соколиную охоту! Ты должна брать с собой кого-нибудь, Марион. Или не выезжать за ограду парка. Я уверена, что за оградой тебе грозит опасность!

– «Грозит опасность»! Ха-ха! Может быть, ты и права, милая Лора. Может быть, это-то и манит меня за ограду парка. Когда я отправляюсь на охоту с собаками или с соколом, мне тесно в этой ограде, я чувствую себя, как в клетке. То ли дело охотиться на просторе, в глубокой лесной чаще!

– Но ты только подумай, Марион! Ты ведь слышала все эти рассказы о разбойниках? Это они напали на одну знатную даму и остановили ее карету на Красном Холме. Дядя говорит, что это правда и что они с каждым днем становятся все отчаяннее, потому что у нас плохие порядки. Ах, кузина, послушайся моего совета, не езди больше одна!

– Хороший совет, дочка, хотя ты слышишь его от младшей сестры! И я надеюсь, что ты последуешь ему и не заставишь меня подкрепить его приказанием.

Высокий пожилой джентльмен со строгим благородным лицом, который так неожиданно вмешался в их разговор, был не кто иной, как сэр Мармадьюк Уэд, отец Марион и дядя Лоры.

– Твоя кузина говорит правду, – продолжал он, – и хорошо, что мне об этом напомнили. Дороги сейчас небезопасны. А уж если сказать правду, даже у себя в доме небезопасно, потому что по всей нашей нищей, несчастной стране идет разбой – и при дворе короля, и на королевских дорогах. Поэтому прошу вас, дети, не выходите за пределы парка: за оградой небезопасно даже и с провожатыми.

– Правда, – подтвердила Лора. – Ведь у той леди, которую ограбили, было несколько слуг. Кажется, вы так говорили, дядя?

– Да, ее карету сопровождало шесть человек. Подумайте, какая надежная охрана! И все до одного разбежались. Так и следовало ожидать! Откуда же им быть честными и верными при таких негодных правителях! Скоро у нас в стране исчезнет всякое представление о чести. У скверного хозяина и слуги становятся скверными. Ну ничего, детки! Будем надеяться на лучшие времена. А для того, чтобы воскресить дух доброй старой Англии, я хочу устроить для вас праздник и пригласить всех наших друзей и соседей.

– А что же это будет такое? – спросила Лора, которую перспектива праздника обрадовала, по-видимому, гораздо больше, чем ее молчаливую кузину.

– Это будет сельский праздник.

– Где? Здесь? В нашем парке?

– Ну конечно, у нас в парке.

– А кого же вы пригласите, дорогой дядя?

– Всех окрестных соседей на десять миль вокруг, а то и дальше, если захотят приехать. Я не пожалею пары лишних быков ради такого дня.

– Но какой же день, дядя? Ведь это не рождество, не троицын день и даже не Майский праздник!

– А разве ты ничего не можешь припомнить, кроме праздников? Ну, а если это день рождения?

– Ах, правда! Ведь на той неделе день рождения Уолтера! Но, папа, разве он приедет домой?

– Вот именно. Он должен приехать как раз накануне своего дня рождения. Бедный мальчик! Долго он пробыл вдали от нас, но, я надеюсь, все же не так долго, чтобы его успели испортить в этой опасной школе. Так вот, мы устроим ему встречу по старому обычаю, достойную Бэкингемшира. А вам, девочки, придется поработать и принять на себя заботы по приготовлению к приему гостей.

С этими словами сэр Мармадьюк повернулся и пошел к себе, оставив племянницу и дочку обсуждать эту приятную перспективу.

После его ухода кузины стояли молча, каждая погруженная в свои мысли.

«Ах, какой это будет счастливый день! Ведь Уолтер уже будет здесь!» – радовалась про себя Лора.

А Марион шептала, замирая:

«Ах, какой это был бы счастливый день, если бы Голтспер был здесь!»

Глава V

Уолтер Уэд

В воздухе еще чувствовалась осень, но это была уже поздняя осень, и буковые леса давно оделись в багряно-желтый наряд. Кукушка уже не куковала в роще,

а ласточки собирались стаями на деревенской колокольне; дикие голуби попрятались в долинах; перепела сновали там и сям. Фазаны со своими выводками выходили из чащи, куропатки водили птенцов по сжатому полю, а зяблики, воробьи и коноплянки собирались каждый своей семьей в летучие отряды, готовясь к холодным, ненастным дням, когда они будут так нуждаться друг в дружке, чтобы сохранить бодрость.

Надо отдать должное этому прекрасному краю: он прекрасен и ранней весной, и жарким летом, и еще прелестнее в октябре. Куда бы вы ни поехали, вы нигде не найдете таких чудесных буковых лесов, а цветущие долины, окаймленные мягкими холмами, недаром славятся своей красотой. Здесь нет скалистых гор, редко попадаются озера, но всюду перед вами и вокруг вас простираются отлогие склоны волнистых холмов, романтические долины; взор путешественника беспрестанно пленяют всё новые лесные красоты, и он, восхищенный, останавливается и долго не сводит с них глаз.

Так думал юный всадник, покидая окраины города Эксбриджа и въезжая на своем рослом коне на старый мост, перекинутый через реку Колн.

Солнце уже садилось за Чилтернскими холмами; их лесистые склоны, пронизанные золотым сиянием, сбегали в долину, словно встречая и приветствуя его.

Чудесный пейзаж расстилался перед глазами всадника. Из-за гребня Красного Холма лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь заросли буков, окрашивали их блеклую желтизну в червонное золото. Там и сям дикая вишня выделялась яркой листвой, светло-зеленый дуб, черно-зеленый падуб пятнами выступали на склоне, а на другой стороне, глубоко между холмами, долины Элдерберна и Челфонта постепенно окутывались сумраком в угасающем пурпуре заката.

Справа и слева глубокие излучины Колна прорезали изумрудную зелень лугов, и его широкая гладкая поверхность отражала сапфировое небо; стада упитанных коров бродили в густой траве или стояли неподвижно в воде, словно их поставили туда для завершения картины, изображающей спокойствие и довольство.

Поистине это была картина, достойная кисти Ватто[3 - Ватто Антуан (1684–1721) – знаменитый французский художник.] или Кейпа[4 - Кейп – семья

голландских художников XVII века, из которых наиболее известен Альберт Кейп (1620–1691) – портретист и пейзажист.] и словно созданная для того, чтобы вселить спокойствие и мир даже в сердце чужеземца. Так, вероятно, думал Уолтер Уэд, который после долгой разлуки с родным краем любовался теперь его лесистыми холмами и долинами и узнавал знакомые места, где протекало его детство.

Его охватило неизъяснимое чувство радости. Поднявшись на высокий настил старого моста, откуда Чилтернские холмы предстали перед ним во всей своей красе, он задержал лошадь посреди дороги, и из груди его невольно вырвался восторженный возглас.

– Милые Чилтернские холмы! – воскликнул он. – Вы – словно друзья, простирающие ко мне объятия! Какими светлыми и чистыми кажетесь вы после дымного Лондона! Как жаль, что я не выехал на час раньше – я мог бы тогда полюбоваться чудесным закатом с вершины Красного Холма! Ну, не беда! К тому времени, как я поднимусь на перевал, выйдет месяц, и это не менее чудесно! Солнечный или лунный свет – все равно, только бы мне проскакать на коне по нашим буковым лесам.

«Право, я не понимаю, – продолжал он рассуждать про себя, – как это можно любить городскую жизнь? Вот у меня ведь, кажется, были все возможности жить в свое удовольствие. Королева была так добра ко мне, просто удивительно добра! Она дважды поцеловала меня. И король тоже был доволен моей службой. Только когда я пришел проститься, он ужасно рассердился на меня. А за что – не знаю. Я ничего такого не сделал, чтобы его прогневать… Интересно, зачем меня вызвали домой? Отец ничего не пишет об этом в письме. Но, наверно, скажет, когда я приеду. Все равно я так рад вернуться в милый старый Бэлстрод! Надеюсь, что этот неисправимый браконьер Дик Дэнси не перестрелял всех наших оленей. Я мечтаю поохотиться зимой, устроить хорошую облаву!.. Сколько же это будет? Три года… нет, три года исполнится на Рождество, как я поступил на королевскую службу при дворе. Я не удивлюсь, если кузина Лора стала за это время совсем взрослой девушкой. И сестра Марион тоже? Да, Марион и тогда уже была совсем большая. Лора никогда не будет такой рослой, как она. Нет, у нее совсем другое сложение. Лора из тех, кого королева называет «petite»[5 - Petite (франц.) – маленькая.]. Но как бы то ни было, все-таки она уже взрослая женщина. Ей столько же лет, сколько и мне, а уж про себя-то я, кажется, могу сказать, что я мужчина. Ой-ой, как время-то летит!»

И, как будто он вдруг понял, что надо поскорей наверстать время, юный всадник ударил хлыстом коня и помчался во весь опор.

Но хотя Уолтер Уэд и назвал себя мужчиной – правда, не так уж уверенно, – это не совсем соответствовало действительности, и его заблуждение следует приписать вполне простительной слабости, свойственной очень молодым людям, которым почему-то не терпится скорее возмужать.

Это был юноша девятнадцати лет, правда достаточно рослый для своего возраста, так что с этой точки зрения он вполне мог сойти за мужчину. Маленькие усики уже пробивались на его верхней губе. Они были светлые, как и волосы, не рыжеватого, а скорее соломенного оттенка – иначе говоря, того истинно саксонского «желтого» цвета, который так часто сочетается с голубыми глазами и пленяет нас в женщинах, ибо сочетание это дает совершеннейшие образцы женской красоты.

Это признавали и греки – высшие ценители прекрасного, хотя сами они темноволосый народ и, следовательно, этим признанием отвергали превосходство собственной расы.

Морской пене кипрская богиня уподоблялась белизной своей кожи, лазурному небу – цветом глаз, золотому солнцу – золотом своих волос. Темноволосая Венера у древних не пользовалась большим успехом.

Но удивительно, что голубые глаза не пленяются голубыми очами и белокурые косы не жаждут переплестись со светлыми кудрями. Может быть, противоположные натуры инстинктивно стремятся к сближению… может быть, это вложено в них природой, и этим-то объясняется пристрастие темноволосых греков к белокожей Цитере.

Бывают также светловолосые юноши, которые радуют и мужской взор и пленяют женщин. Таким был Уолтер Уэд.

У него были вьющиеся волосы, высокий открытый лоб, орлиный нос, ясно выдающий его благородное происхождение, резко выступающий подбородок и тонкие губы с характерным выражением презрения ко всему низкому.

Вряд ли его лицо можно было назвать красивым. Для мужчины оно было, пожалуй, слишком женственным. Но человек, хорошо разбирающийся в физиогномике саксов, глядя на такое лицо и зная, что у обладателя его есть сестра, мог бы с уверенностью сказать, что уж она-то бесспорно отличается несравненной красотой.

Достаточно было взглянуть на этого юного всадника, чтобы сразу сказать, что это отпрыск благородного рода.

Прекрасная лошадь, дорогое седло, великолепная одежда, тонкие черты лица, гордая осанка – все это изобличало богатство и знатность.

И действительно, это был сын владельца Бэлстродского замка, сэра Мармадьюка Уэда, чье родословное дерево уходило своими корнями в глубь времен, предшествующих завоеванию Англии; его саксонские предки, вместе с Бэлстродами, Гемпденами и Пеннами, так доблестно и упорно защищали от норманских захватчиков свои буковые леса и обширные поля, что великий завоеватель в конце концов рад был примириться с ними и оставил им навсегда их владения. Это был род, который издавна недолюбливал королей. Сэр Мармадьюк Уэд принадлежал к числу тех родовых дворян, которые заставили жестокого тирана, короля Иоанна, подписать «Великую хартию вольностей»[6 - «Великая хартия вольностей» была подписана 15 июня 1215 года английским королем Иоанном Безземельным (царствовал в 1190–1216 гг.). Она ограничивала права короля в пользу крупных феодалов и рыцарей; в частности, обязывала его не налагать ареста на имущество свободных английских граждан без приговора суда. Деятели английской буржуазной революции XVII века использовали «Великую хартию вольностей» в своей борьбе с абсолютизмом.], и не раз представители этого рода выступали борцами за свободу и сражались в первых рядах.

Может показаться удивительным, почему же юный Уолтер оказался на придворной службе. Но это легко объяснить. У него была честолюбивая мать, состоявшая в родстве с королевой, дядя занимал высокий пост при дворе, – и это было причиной того, что сын сэра Мармадьюка Уэда оказался пажом при королеве.

Но влияние матери окончилось – ее уже не было в живых. А ее брат, дядя Уолтера, не мог противостоять сэру Мармадьюку Уэду и помешать ему отозвать сына от двора, распущенность коего стала притчей во языцех. Сэр Мармадьюк

Уэд был любящим отцом и справедливо опасался развращающего влияния придворной жизни на своего сына.

Вот почему юноша возвращался в свой отчий дом и почему король высказал неудовольствие, расставаясь с ним. Это был дерзкий поступок со стороны вассала, и потребовалось все влияние его высокопоставленного шурина, чтобы отвратить от него месть Карла, самого презренного из тиранов.

Но не об этом думал Уолтер, продолжая свой путь. Мысли его были поглощены много более приятным предметом: он думал о своей кузине Лоре.

Юношеские мечты о любви – разве это не самое сладкое в жизни, хотя, может быть, и самое мимолетное!

Но любовь Уолтера отнюдь не была мимолетной. Она зародилась в шестнадцать лет, а с тех пор прошло уже три года. Она выдержала испытание долгой разлуки, да еще при таких обстоятельствах, которые мало благоприятствуют прочности юношеской привязанности. Среди улыбающихся фрейлин и придворных дам сердце Уолтера мужественно устояло перед чарами не одной прелестницы; не забудем при этом, что двор в то время славился своими красавицами.

Робкий поцелуй, подаренный ему кузиной в уединении лесной чащи, где они бродили, собирая цветы, нежное пожатие маленькой ручки, сладостные слова «дорогой Уолтер», слетевшие с хорошеньких губок Лоры, – все это он вспоминал сейчас так живо, как если бы это было только вчера.

А она? Вспоминает ли она об этом с таким же волнением? Вот мысль, которая не давала покоя Уолтеру с того самого момента, как он покинул Уайтхоллский дворец.

За два года своего отсутствия он иногда получал вести о том, что происходит в Бэлстроде. Хотя письма в те дни писали редко и по большей части только тогда, когда требовалось сообщить что-нибудь важное, Уолтер все же поддерживал переписку с Марион и обменивался с нею посланиями раз в месяц. Лоре он не осмеливался писать, не решался писать даже о ней. Он знал: все, что он пишет сестре, будет сообщено его маленькой возлюбленной, и он боялся, как бы его не сочли слишком назойливым. Каждое слово в письме, касающееся

кузины, он тщательно взвешивал и обдумывал, стараясь предугадать, какое впечатление оно произведет, – в этой любовной стратегии юная любовь пускается на хитрости и не уступает более зрелому чувству. Случалось, что юный паж даже прикидывался равнодушным к своей кузине, и между ними не раз грозила возникнуть ссора или, по крайней мере, некоторое охлаждение. Это бывало главным образом в тех случаях, когда его сестра, не подозревая, какие страдания она причиняет брату, расписывала ему красоту Лоры, рассказывала о том, какое смятение она вносит в сердца бэкингемширских кавалеров.

Быть может, если бы Марион относила все сказанное к себе, это больше соответствовало бы действительности, потому что, как ни прелестна и очаровательна была кузина Уолтера, его сестра бесспорно считалась первой красавицей графства.

Глава VI

«За короля!»

Уолтер проехал уже примерно с полмили после моста через Колн, и все это время мысли юного пажа были всецело поглощены кузиной. Он вспоминал ту прогулку в лесу, поцелуй на лужайке среди цветов, который был для него свидетельством ее любви. И, вспоминая это, он не позволял себе усомниться в верности Лоры.

Но вот неожиданно его приятные мечты нарушила грубая действительность.

Он поравнялся с постоялым двором, и зрелище, представившееся его глазам, сразу вывело его из этой сладкой мечтательности.

Возле постоялого двора, под открытым небом, расположился отряд конников. По их вооружению и одежде Уолтер узнал кирасиров королевского войска.

Их было человек пятьдесят; по тому, как они суетились, по их взмыленным лошадям, еще не успевшим остыть после долгого перехода, видно было, что они

только что пришли на стоянку.

Одни распрягали лошадей, другие задавали им корм, а те, что уже успели покончить с этим делом, расселись под большим старым вязом и шумно угощались едой, добытой на постоялом дворе.

Юному всаднику достаточно было только взглянуть на этих буянов, чтобы сразу понять, что они собой представляли: это был отряд войск, отозванных с севера, которые король только что тайно перебросил на юг.

Эти войска первоначально набирались в Нидерландах, и среди них было немало чужеземцев. В сущности говоря, англичане составляли меньшинство; много было представителей галльского типа и еще больше наймитов-валлонцев, пользовавшихся широкой славой и игравших существенную роль в войнах того времени.

В оглушительном шуме голосов юный всадник различал и французскую, и фламандскую, и родную речь, а проклятия и ругательства, раздававшиеся на всех трех языках, позволили ему безошибочно определить, что это не что иное, как жалкие остатки тех войск, которые «так страшно чертыхались во Фландрии».

Толпа окрестных жителей собралась вокруг постоялого двора; они стояли, разинув рты, и с невыразимым удивлением следили за каждым жестом и ловили каждый возглас необыкновенных, закованных в латы всадников, свалившихся на них как снег на голову.

Для Уолтера зрелище не представляло ничего удивительного. Все это он не раз видел в Лондоне, а за последнее время даже довольно часто. В сущности говоря, он даже предвидел эту встречу – прежде всего потому, что, проезжая через Эксбридж, слышал, что впереди прошел отряд конников, затем потому, что он видел следы, оставленные ими на пыльной дороге.

Он не знал, для чего они направляются в Бэкингемшир, но это уж было не его дело, а дело короля. По всей вероятности, путь их лежит в Оксфорд или в какой-нибудь гарнизон на западе, и они, встретив на пути постоялый двор, решили расположиться на ночлег.

Все это юный всадник успел заметить мимоходом и уже совсем было проехал мимо, не обращая внимания на грубые шутки солдат, сидевших под деревом, когда чей-то голос, раздавшийся из дверей харчевни, резко отличавшийся от других голосов, приказал ему остановиться.

И тотчас же на крыльце харчевни показались два офицера; один из них, сделав несколько шагов, громко повторил приказание.

То ли от удивления и неожиданности, то ли оттого, что Уолтер подумал, не исходит ли это приказание от какого-нибудь старого знакомого при дворе, он придержал лошадь и остановился.

Нетрудно было догадаться, что два эти офицера, так настойчиво требовавшие, чтобы он остановился, представляли собой начальство и командовали отрядом.

Шелковые камзолы, видневшиеся из-под стальной кирасы, нарядные сапоги испанской кожи с золотыми шпорами и с гофрированной обшивкой наверху, белые страусовые перья, развевающиеся над шлемами, роскошные рукоятки мечей в богато украшенных ножнах – все это свидетельствовало об их высоком звании и чине. Это подтверждалось также их повелительным тоном и тем, как они держали себя в присутствии солдат.

Солдаты при виде их тотчас же прекратили свои шутки, и, хотя кру?жки с пивом не перестали опрокидываться в глотку, это проделывалось теперь в сдержанном и почтительном молчании.

Оба офицера были в шлемах, но забрала были подняты, и Уолтер мог ясно разглядеть их лица.

Он обнаружил, что ни тот, ни другой не знакомы ему, хотя одного из них он как будто видел мельком несколько дней назад на приеме у королевы.

Это был старший из двух и, очевидно, выше чином – явно командир отряда. Ему было лет тридцать на вид; его смуглое лицо можно было бы назвать красивым, если бы не следы распутства и дурных страстей, которые не щадят даже и самые благородные черты. Его лицо когда-то, несомненно, отличалось благородством, и до сих пор в нем сохранились черты, которыми, пожалуй, мог бы гордиться всякий, если бы только не циничное и угрюмое выражение его

глаз, столь несовместимое с истинным благородством. А впрочем, это было одно из тех подвижных лиц, которые беспрестанно меняются: стоит ему улыбнуться – оно покоряет сердца, а стоит нахмуриться – оно отталкивает и страшит.

Младший, судя по наплечным нашивкам – корнет, был совершенно другого типа. Несмотря на его молодость, в его лице было что-то чрезвычайно отталкивающее. Не надо было даже вглядываться в него: оно вызывало отвращение с первого взгляда. В этой красной круглой физиономии со спускавшимися на лоб жидкими прядями прямых желтых волос сразу же поражало какое-то удивительное сочетание глупости, пошлости и жестокости.

Уолтер Уэд никогда раньше не видел этой физиономии, и она не внушала ему желания познакомиться ближе с ее обладателем. Будь на то его воля, юный паж предпочел бы никогда не встречаться с ним.

– Что вам угодно? – спросил он, гордо приподнимаясь на стременах и обращаясь к офицеру, окликнувшему его. – Вы потребовали, чтобы я остановился. Что вам угодно?

– Надеюсь, вы не сердитесь, молодой кавалер? – возразил капитан кирасиров. – Я не хотел вас обидеть, поверьте. Судя по тому, как взмылена ваша лошадь… А ведь неплохой конь! Славная лошадка! Правда, Стаббс?

– Если она здорова, – коротко ответил корнет.

– Ну, разумеется, здорова! Ах вы, неисправимый лошадник!.. Так вот, юноша, я говорил, что, судя по тому, как взмылена ваша лошадь, вы едете издалека и едете быстро. И вы и ваша лошадь нуждаетесь в подкреплении. Мы окликнули вас только затем, чтобы предложить вам приют в этой харчевне.

– Благодарю за любезность, – ответил Уолтер таким тоном, что сразу можно было понять, как он относится к этому предложению, – но я никак не могу воспользоваться ею. Я сам не нуждаюсь в подкреплении. Что касается моей лошади, то через пять миль она будет в стойле и о ней не преминут позаботиться.

– А, так вы уже недалеко от цели вашего путешествия?

– Еще пять миль езды – и я достигну ее.

– Наверно, вы изволите ехать в гости к каким-нибудь деревенским знакомым, где вы сможете наслаждаться ароматом буковых лесов, завтракать каждое утро свежими яйцами и кушать за обедом свинину с соусом из молодой репки, не так ли?

Раздражение благовоспитанного юноши постепенно усиливалось, и, быть может, он дал бы ему выход и ответил какой-нибудь резкостью, но у Уолтера Уэда был счастливый характер, и он умел оценить шутку даже и на свой счет. Видя, что его новые знакомые не имеют никаких дурных намерений, а просто рады случаю развлечься и поболтать, он подавил свою досаду и отвечал таким же шутливым и насмешливым тоном.

Перекинувшись двумя-тремя остротами и доказав, что он вряд ли позволит себя превзойти, юный паж уже хотел было продолжать свой путь, когда капитан кирасиров снова радушно предложил ему распить с ними чарку браги, которую хозяин только что вынес из дома.

Предложение это было сделано в такой изысканно учтивой форме, что Уолтер, не желая показаться невежей, принял его.

Он уже поднес к губам кружку, когда угощавшие его офицеры потребовали, чтобы он провозгласил тост.

– Какой же тост? – спросил юный паж.

– Какой угодно! Пусть это будет тост за то, что более всего занимает ваши мысли. Наверно, это ваша возлюбленная?

– Конечно, его возлюбленная! – поддержал корнет.

– В таком случае, за мою возлюбленную! – сказал Уолтер, осушая бокал и возвращая его капитану.

– Хорошенькая пастушка с Чилтернских холмов, нежная лесная нимфа, не так ли? Пью за ее здоровье! А теперь, – продолжал капитан, не отнимая

кружку от губ, – уж раз я выпил за здоровье вашей милой, вы не откажете мне выпить за здоровье моего господина – короля? Надеюсь, вы не возражаете против этого тоста?

– Ни в коем случае! – отвечал Уолтер. – Я рад выпить за здоровье короля, хотя мы и расстались с ним не как добрые друзья.

– Ха-ха-ха! Друзья с королем! Значит, его величество имеет честь быть знакомым с вами, не правда ли?

– Я состоял у него на службе около трех лет.

– При дворе?

– Я был пажом королевы.

– Вот как! Может быть, вы будете настолько любезны и окажете мне честь сообщить ваше имя? Конечно, если вы ничего не имеете против.

– Ровно ничего. Мое имя Уэд – Уолтер Уэд.

– Сын сэра Мармадьюка из Бэлстрод Парка?

– Да.

– Ага!.. – многозначительно протянул капитан, задумчиво глядя на юного пажа.

– Так я и думал, – пробормотал корнет, обмениваясь быстрым взглядом со своим начальником.

– Так, значит, вы сын сэра Мармадьюка! – продолжал капитан. – В таком случае, мастер Уэд, мы с вами видимся не последний раз, и, быть может, вы когда-нибудь еще соблаговолите представить меня вашей прелестной пастушке. Ха-ха-ха! А теперь тост каждого верного англичанина – за короля!

Уолтер поддержал тост, хотя и не очень охотно, потому что и тон капитана и его слова произвели на него неприятное впечатление. Но такой тост в те времена было небезопасно отклонить; и молодой паж, отчасти из этих соображений, а отчасти оттого, что у него, в сущности, не было никаких причин для отказа, снова поднес к губам бокал, воскликнув: «За короля!»

Корнет, осушая свой кубок, подхватил возглас, а солдаты под деревом, чокнувшись своими кружками и присоединяясь к тосту, дружно закричали: «За короля! За короля!»

Глава VII

«За народ!»

После этого всеобщего изъявления верноподданнических чувств сразу наступила глубокая тишина, как обычно бывает после провозглашения тоста.

Внезапно эту тишину прервал громкий голос, который до сих пор не участвовал в общем хоре; и голос этот отчетливо и ясно произнес: «За народ!»

Этот тост настолько не соответствовал тому, который был только что подхвачен солдатами, что вызвал всеобщее смятение. Кирасиры, сидевшие под деревом, сразу повскакали с мест, оба офицера мгновенно обернулись в ту сторону, откуда раздался голос, их глаза засверкали гневом из-под поднятых забрал.

Незнакомец, так дерзко заявивший о себе, и не думал скрываться. Это был всадник с благородной осанкой, который только что подъехал к харчевне и остановился, не сворачивая, среди дороги, куда хозяин, словно по заведенному обычаю, даже не дожидаясь требования, вынес ему кубок с вином. И вот этот самый всадник провозгласил во всеуслышание: «За народ!»

Солдаты, только что подхватившие тост за короля, так ревностно выражали свои чувства, что даже не заметили, как он подъехал, и, наверно, не обратили бы на него внимания, если бы не этот знаменательный возглас, который произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Все глаза тотчас же обратились к нему.

А незнакомец тем временем спокойно поднес к губам кубок с вином. Словно не замечая произведенного впечатления, он медленно осушил кубок и с тем же невозмутимым спокойствием отдал его в руки хозяину.

Эта неслыханная дерзость так ошеломила солдат, что они как вскочили на ноги, так и застыли на месте, точно остолбенели. Даже их офицеры, бросившиеся было вперед, тоже остановились, словно пораженные громом, вне себя от ярости и изумления. Только в толпе, собравшейся вокруг постоялого двора и состоявшей из конюхов, сидельцев, трактирных слуг и праздных зевак из окрестных жителей, раздавались громкие возгласы. Толпа эта постепенно все увеличивалась и теперь уже не уступала отряду.

Несмотря на присутствие вооруженных представителей королевской власти, народ в толпе, несомненно, разделял чувства, выраженные незнакомым всадником; там чокались, шумно выражая свое одобрение, пили друг за друга и за себя, восклицая: «За народ!»

Многие из них только что с таким же воодушевлением пили «За короля», но этой внезапной переменой чувств они напоминали наших современных политиков, удостоенных высокого звания «государственных мужей».

Однако в этой разношерстной толпе были люди, которые не присоединились к тосту за короля, но горячо подхватили второй тост с полным сознанием того, что он несовместим с первым.

Едва затихли возгласы, подхватившие этот священный клич, наступила зловещая тишина, и двое из присутствующих очутились в центре всеобщего внимания – капитан кирасиров и всадник посреди дороги: тот, кто поднял кубок «За короля», и тот, кто поднял его «За народ».

Все ждали, что скажет капитан. Ведь это ему бросили вызов – если он сочтет это вызовом.

Будь это какой-нибудь деревенский парень или кто-нибудь из толпы, будь это даже зажиточный фермер из пуритан, – капитан кирасиров не стал бы медлить: он сразу нашел бы, что ответить… может быть, для вящей убедительности, сопроводил бы свой ответ ударом шпаги. Но всадник в расшитом камзоле, в сапогах из испанской кожи, поблескивающих золотыми шпорами, с длинной

шпагой у пояса, – этот всадник на великолепном коне был не такой человек, с которым можно так сразу разделаться; ему надо было ответить подумав.

– Что это значит? – воскликнул, выступая вперед, капитан кирасиров. – Что вы, с ума сошли? Или, может быть, выпили лишнего? То-то от вас так разит! А ну-ка, земляк, долой шляпу! Я заставлю вас говорить по-другому! Вы у меня с места не двинетесь, пока не прочистите свою изменническую глотку и не выпьете, как подобает всякому честному англичанину, в честь короля!

– «Земляк»! – воскликнул всадник, окидывая презрительным взглядом кирасира, осмелившегося обратиться к нему с таким оскорбительным требованием. – Земляк, – повторил он спокойным насмешливым тоном, – не имеет привычки пить с первым встречным. Ему не по вкусу тост, так же как и ваши манеры! Если бы ему пришла фантазия выпить за английского короля, так уж, во всяком случае, не в этой компании – с людьми, которые запятнали славу Англии у Ньюбернского брода![7 - 28 августа 1640 года при Ньюберне (около Ньюкасла) королевское войско было разбито шотландцами.]

С этими словами, сопровождавшимися презрительным смехом, незнакомец подобрал поводья и, вонзив шпоры в бока своего великолепного коня, вихрем помчался по дороге.

Услышав этот смех, капитан кирасиров бросился вперед, не помня себя от ярости; гневно сверкая глазами, почернев от злобы, он выхватил шпагу, пытаясь настичь обидчика.

– Гнусный изменник! – вскричал он, потрясая шпагой. – Я заставлю тебя выпить за здоровье короля твою собственную кровь! Эй! Остановите его! – крикнул он, тщетно пытаясь достать его шпагой. – Где мои пистолеты?.. А ну, живо! – скомандовал он солдатам. – Стреляйте в него! Где ваши карабины, мерзавцы? На коней! В погоню!

– Послушайтесь моего совета, – вмешался хозяин харчевни, здоровенный детина, видимо не робкого десятка: – оставайтесь-ка вы лучше здесь! А поедете – вернетесь ни с чем! Все равно что за диким гусем гнаться. Уж поверьте мне, он вперед на две мили ускачет, пока вы оседлаете своих коней!

– Негодяй! – вскричал капитан кирасиров, оборачиваясь к нему. – Да смеешь ли ты…

– Я только даю вам добрый совет, господин полковник, а уж послушаете вы или нет – это как вам будет угодно. А догнать – все равно не догоните. Ночью где же догнать, хоть и месяц на небе и видать все…

Удивительная невозмутимость, с которой этот деревенский Бонифаций приводил свои доводы, не только не рассердила кирасира, а, наоборот, подействовала на него успокаивающе.

– А ты что? Знаешь его? – спросил он уже совсем другим тоном.

– Д-да, знаю малость. Бывает он здесь проездом. Как же не промочить глотку, когда едешь мимо! А вот коня я, может, знаю лучше. Такого коня всякому лестно узнать. Не раз видел, как он единым духом берет вот эти ворота. А в них будет не меньше шести футов! Да мы все это видели. А что, не правда?

– Видели, видели, мастер Джервис! – подтвердили несколько человек, стоявших тут же.

– Вот то-то оно и есть, господин полковник! – продолжал хозяин, снова обращаясь к капитану кирасиров. – Так вот, если ваши ребята отправятся за ним в погоню, пусть знают, что им придется скакать без путей, без дороги, а не то чтобы…

– Кто он такой? Имя? – нетерпеливо прервал его кирасир. – Ты знаешь, где он живет?

– Нет, не знаю ни кто такой, ни где живет, – отвечал хозяин. – Знаю только, как и все, что называют его здесь Черным Всадником, а живет он где-то среди холмов, по пути к Джеррет Хис, за большим бэлстродским парком.

– Так, значит, он живет неподалеку от Бэлстрода?

– Кажется, где-то там.

– А я знаю, где он живет, – сказал парень, стоявший рядом. – В заброшенном кирпичном доме. Глухое место, называется Каменная Балка. А стоит этот дом в лесу между Биконсфилдом и двумя Челфонтами. Могу вас туда проводить, господин офицер, если вашей милости угодно.

– Джем Биггс! – тихо сказал хозяин харчевни, пододвинувшись к парню и нагибаясь к самому его уху. – Ты что это, подлая твоя душа, мешаешься не в свое дело? Если только посмеешь показать туда дорогу, не вздумай больше соваться в мою харчевню! Чтоб я больше не видал твоей поганой рожи!

– Довольно разговоров! – нетерпеливо крикнул капитан. – Я думаю, мы легко разыщем этого молодца… Слезай с коней, ребята! – сказал он, обращаясь к солдатам, которые уже успели вскочить в седло. – Ведите лошадей в стойло. Мы можем спокойно переночевать здесь, – шепнул он корнету. – Нет смысла гоняться за ним, пока не рассветет. Старый болтун прав: мы зря прогоняем лошадей. Да, кроме того, у меня еще есть дельце в Эксбридже. Но, клянусь небом, я разыщу этого мерзавца, хотя бы мне пришлось обшарить для этого все графство!.. Эй, хозяин, вина! Тащи-ка сюда браги и пива для этих бездельников, а то у них пересохли глотки. Выпьем за нашего короля еще трижды три раза! Ба! Где же наш придворный? Тоже исчез?

– Он только что отъехал, капитан, – сказал один из солдат, еще гарцевавший в седле. – Может, прикажете догнать и привести его назад?

– Нет, – ответил кирасир, подумав с минуту. – Пускай мальчишка едет своей дорогой. Его-то я знаю где найти и завтра буду иметь честь обедать с ним за одним столом… Вина! Эй вы, верные королевские плуты, полней наливайте ваши кружки и пейте за здоровье короля!

– За короля! За короля! Ура!

Глава VIII

Черный всадник

Юный паж, давно уже горевший желанием отделаться от неприятной компании, в которую его так бесцеремонно втянули против его воли, воспользовался поднявшейся суматохой и спокойно поехал дальше. Скрывшись за поворотом, откуда дорогу уже было не видно из харчевни, он пришпорил коня и пустился вскачь.

Хотя его никто не обижал, он все же опасался, как бы его не догнали и не потребовали, чтобы он вернулся, так как эти грубияны, от которых он только что отделался, были вполне способны на такое насилие. Он знал, что безобразия, которые учинялись именем короля, – обычное явление. Приспешники королевской власти привыкли безнаказанно оскорблять народ. Особенно нагло вели себя солдаты, и среди них больше всего отличались те голодные отряды, которые, не получив жалованья, возвращались после Северной кампании и без дела оседали в стране. Бесчестье, которым они покрыли себя, позорно бежав от шотландцев в битве у Ньюбернского брода, лишило их всякого сочувствия соотечественников; они отвечали на это наглыми выходками и каким-то безудержным удальством.

Случай, в котором Уолтер Уэд только что оказался невольным участником, вызвал в его душе какое-то необычайное смятение. Придержав бешено скакавшего коня, он поехал шагом, погруженный в размышления, которые весьма отличались от всего того, что до сих пор занимало его мысли.

Он был еще слишком молод и плохо разбирался в политических распрях. Он знал, что между королем и народом существует раздор, но, так как жизнь его протекала исключительно в придворном кругу, ему даже не могло прийти в голову, что правда не на стороне короля.

Он знал, что король, после одиннадцатилетнего междуцарствия, созвал парламент, чтобы уладить разногласия между собой и своими подданными. Он знал это, так как сам присутствовал при его открытии. Он знал, кроме того, что этот парламент, заседавший всего несколько дней, был тут же распущен; он также присутствовал при его роспуске.

Какое отношение мог иметь юный паж ко всем этим событиям, сколь бы ни были они значительны для патриота или политика?

Но воздадим должное Уолтеру Уэду: несмотря на свой юный возраст, он относился далеко не безучастно к тому, что происходило вокруг. Он унаследовал от своих предков любовь к свободе, которой они так отличились при Руннимеде[8 - В долине Руннимед 15 июня 1215 года была подписана королем Иоанном Безземельным «Великая хартия вольностей».]. И любовь эта жила в его душе, хотя обстоятельства и среда, окружавшая его до сих пор, не позволяли ей проявиться. Он не раз был свидетелем позорных казней и пыток, когда, по приговору «Звездной палаты»[9 - «Звездная палата» – следственный и судебный орган эпохи английского абсолютизма, получивший название от одного из залов королевского дворца, потолок которого был украшен звездами. Главное орудие тирании Карла I, палата выносила жестокие приговоры противникам короля. Уничтожена в начале революции актом парламента (1641).] и королевского суда, людей привязывали к позорному столбу и отрубали им уши, руки, выкалывали глаза; и хотя многие из окружающих его равнодушно взирали на это страшное зрелище или даже находили в нем удовольствие, Уолтер долго потом ходил, потрясенный до глубины души. Хотя он был очень молод, он нередко задумывался над всеми этими жестокостями. Но он волей-неволей вращался в таком кругу, где улыбка тирана считалась высокой милостью, и, кроме того, он был еще слишком юн и легкомыслен, чтобы задумываться над такими серьезными вещами и углубляться в размышления о свободе.

В придворных кругах, разумеется, считалось, что враги короля несут заслуженную кару. Он слышал это со всех сторон, слышал из прелестных уст самой королевы.

Мог ли он сомневаться в этом?

Встреча с кирасирами произвела на него тяжелое впечатление и настолько поколебала усвоенные им при дворе политические взгляды, что едва ли не произвела в них переворот.

«Какой позор, – с возмущением говорил он себе, – что этим наглецам офицерам дозволено делать все, что им вздумается! Удивляюсь, как только король терпит это. Может быть, этот «злой Пим»[10 - Пим Джон (1584–1643) – лидер парламентской антимонархической оппозиции, пользовавшийся громадным влиянием.], как называет его королева, был прав, когда, выступая в парламенте, сказал, что его величество поощряет такую распущенность? А если это в самом деле так, я должен был бы присоединиться к тому смельчаку, который пил

за народ. Кстати, кто бы это такой мог быть? Он ускакал по этой же дороге… Может быть, он живет где-то в наших краях? Какая великолепная посадка! И конь, достойный своего всадника! Мне прежде никогда не случалось встречаться с ним. Если он живет неподалеку от Бэлстрода, наверно, он поселился там уже после того, как я уехал. А может быть, он здесь только проездом? Но ведь лошадь его выглядела совсем свежей, как будто ее только что вывели из конюшни. Если это просто приезжий, так не дальше, чем из Эксбриджа… Мне показалось, что они собирались пуститься за ним в погоню, – размышлял он, оглядываясь через плечо. – Верно, раздумали, иначе я слышал бы их за собой. Если они станут его догонять, я отъеду вот туда, за деревья, и пропущу их. Не желаю я больше разговаривать с такими господами, как этот капитан Скэрти, – так, кажется, корнет называл его? – да и с самим этим корнетом Стаббсом! Вот, в самом деле, имечко – Стаббс! Право, оно ему очень подходит».

Тут юный паж подтянул поводья и остановился, прислушиваясь.

До него смутно доносились какие-то выкрики с постоялого двора. Это солдаты кричали «Гип, гип, ура!», осушая тост «За короля». Кроме этого, ничего не было слышно; по крайней мере, ничего такого, что говорило бы о погоне.

«Отлично! Значит, они не погнались за ним. Предусмотрительно с их стороны. Разумеется, если он едет тем же аллюром, что взял с самого начала, он уже сейчас на много миль впереди. Значит, и у меня нет никаких шансов нагнать его! – подумал паж, снова пуская рысью своего коня. – А мне так хотелось бы этого, честное слово! Мне припоминается сейчас, будто я слышал, что на этой дороге случаются нападения разбойников. Да-да! Сестра не очень давно писала мне об этом. Они напали на какую-то знатную даму, которая ехала в карете, и ограбили ее; кажется, самой даме они не причинили никакого вреда, просто отобрали у нее все ее драгоценности, даже вынули серьги из ушей! И только один из них – сам атаман, наверно, – приблизился к карете. Остальные стояли кругом молча, не проронив ни слова. Странные у них заведены правила… Ну, если я, на свою беду, встречусь с разбойниками, будем надеяться, что мне так же повезет. Если они будут вести себя так благовоспитанно, я охотно отдам им все, что у меня есть, – не так-то много! – только бы они отпустили меня, как ту леди, не причинив никакого вреда. Глупо я поступил, что выехал из Лондона так поздно! А это неприятное происшествие на постоялом дворе еще задержало меня. Ведь уже совсем ночь… Правда, месяц светит вовсю, но какой от этого прок? Кругом ни души, глушь! Только разбойникам на руку – им будет

легче меня обобрать».

Хотя юный путник и уверял себя, что бояться разбойников нечего, ему все же было несколько не по себе. В то время дороги Англии кишели разбойниками и грабителями. Что ни день, доходили слухи о нападениях и грабежах, нередко даже на окраинах Лондона, а уж на больших дорогах или проселках требование отдать кошелек считалось чуть ли не столь же обычным, как просьба о милостыне в наши дни.

Обычно эти «рыцари большой дороги» не проявляли кровожадных наклонностей. Некоторые из них, напротив, отличались необыкновенной учтивостью. Сказать правду, многие из них были доведены до нищеты деспотическими преследованиями монарха и считали себя вынужденными прибегнуть к этому незаконному способу для пополнения своих ресурсов. Не все они были закоренелыми преступниками. Но были среди них и такие, у которых слова: «Стой, руки вверх!» – означали: «Кошелек или жизнь!».

Уолтер Уэд не без опасения вглядывался в дорогу, которая вела к вершине Красного Холма. Он сейчас находился у его подножия. На этом самом холме, как писала сестра, и напали на даму в карете и отняли у нее все драгоценности.

Дорога, поднимавшаяся по склону, была не очень широкой и отнюдь не напоминала нынешнее шоссе. Это была обыкновенная проселочная дорога, по которой можно проехать на колесах, а по обеим сторонам ее тянулись буковые леса, и она, прорезая их, бежала вверх; деревья по бокам сходились так близко, что в некоторых местах образовали над ней сплошные своды.

Юный путник снова придержал лошадь и прислушался. Крики с постоялого двора больше уже не доносились до него, не слышно было никаких отголосков. Он предпочел бы их услышать! Он чуть ли не жалел, что там отказались от погони. Как ни мало удовольствия доставляло ему общество капитана Скэрти и корнета Стаббса, все же это было лучше шайки разбойников.

Он нагнулся в седле, стараясь уловить, не слышно ли что-нибудь впереди, на дороге, но не услышал ничего – по крайней мере, ничего такого, что могло бы внушить опасения. До него доносилось только монотонное пение козодоя да громкое квохтанье куропатки, сзывающей птенцов на жниво. Вдалеке также слышался лай сторожевой собаки да позвякивание колокольчиков в овчарне;

но эти звуки спокойной сельской жизни, сладостные для его слуха, так долго лишенного их, нимало не исключали того, что где-нибудь здесь, поблизости, укрывшись за деревьями, могли притаиться разбойники: ведь их не пугали эти звуки.

Уолтер Уэд был далеко не робкого характера, но можно ли обвинять в трусости девятнадцатилетнего юношу только потому, что он желает избежать встречи с разбойниками!

И это было отнюдь не проявлением трусости с его стороны, когда, двинувшись вперед по дороге и тревожно оглядываясь по сторонам, он внезапно остановился, увидев невдалеке фигуру всадника, смутно вырисовывающуюся в тени деревьев, и заколебался, ехать ему дальше или нет.

Всадник был шагах в двадцати от него и не двигался ни в ту, ни в другую сторону; он словно застыл в седле посреди дороги.

«Разбойник! – подумал Уолтер, не зная, что делать: ехать вперед или повернуть обратно. – Да нет, вряд ли это так… С чего бы разбойнику торчать так на самом виду? Он скорее прятался бы за деревьями… по крайней мере, пока…»

Так он гадал и вдруг услышал, как его окликнули, и сразу узнал голос: это был тот самый голос, который так смело провозгласил: «За народ!»

Юный путник, успокоившись, двинулся вперед.

Человек с такой благородной внешностью, как этот всадник на вороном коне, и с такими благородными чувствами, которые он так смело выражал, вряд ли мог быть дурным человеком и тем более – разбойником. Уолтер в этом не сомневался.

– Если я не ошибаюсь, – сказал незнакомец после того, как они обменялись приветствиями, – вы тот самый молодой джентльмен, которого я только что видел в не очень приятной компании?

– Вы не ошиблись, это я.

– Тогда едем вместе. Если только вы один и гонитесь за мной, я думаю, что не подвергаюсь большой опасности, позволив вам догнать себя. Поедем вместе, юноша! Пожалуй, для нас обоих будет безопаснее, если мы поедем вдвоем.

После такого искреннего приглашения юный паж, не колеблясь, пришпорил коня и поехал рядом с всадником. Они вместе стали подниматься на холм.

На полпути от вершины дорога сворачивала на юго-запад и некоторое время шла по открытому месту, ярко залитому лунным светом. И только тут впервые оба всадника могли разглядеть друг друга.

Незнакомец, все еще сохранявший инкогнито, быстро окинул взглядом своего спутника и, по-видимому, удовлетворенный этим беглым наблюдением, отвел глаза в сторону.

Быть может, он уже успел разглядеть юного пажа раньше, на постоялом дворе.

Что же касается Уолтера, он видел Черного Всадника только мельком, поэтому он теперь поглядывал на него с любопытством. Но так как он не хотел показаться невежливым, то старался делать это незаметно.

Сказать правду, юного пажа поразила необычайная внешность незнакомца. Он видел рядом с собой не юношу своего возраста, но зрелого мужчину, лет тридцати или более, в полном расцвете мужественной силы. Он видел статную фигуру безупречного сложения, со стальными мускулами, подчеркивающими упругую мощность тела, красиво посаженные плечи, широкую грудь, крепкую круглую шею, упрямо выдающийся подбородок, свидетельствующий о твердости и решительности. Он разглядел темно-каштановые волосы, обрамляющие смуглое лицо, которое, вероятно, было несколько белее в юности; теперь же оно казалось бронзовым от покрывавшего его загара. Он разглядел темно-карие глаза, сверкавшие в лунном свете мягким и теплым блеском, – глаза горлинки. Но Уолтер знал, что эти глаза могут вспыхивать подобно орлиному взору; он вспомнил, каким огнем они сверкали, когда он их увидел впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Альфред Великий (849–900) – король англосаксонского королевства Уэссекса в 871–900 годах. Вел упорную борьбу с датскими завоевателями; положил начало морскому флоту; покровительствовал просвещению.

2

Пуритане (от латинского purus – чистый) – английская религиозная секта, сыгравшая большую роль в английской буржуазной революции XVII века. Пуритане отличались суровостью и простотой нравов, они осуждали роскошь, легкомыслие и суетные развлечения знати. Правительство подвергало пуритан суровым преследованиям. Умеренная часть пуритан называлась пресвитерианами, более радикальная – индепендентами.

3

Ватто Антуан (1684–1721) – знаменитый французский художник.

4

Кейп – семья голландских художников XVII века, из которых наиболее известен Альберт Кейп (1620–1691) – портретист и пейзажист.

5

Petite (франц.) – маленькая.

6

«Великая хартия вольностей» была подписана 15 июня 1215 года английским королем Иоанном Безземельным (царствовал в 1190–1216 гг.). Она ограничивала права короля в пользу крупных феодалов и рыцарей; в частности, обязывала его не налагать ареста на имущество свободных английских граждан без приговора суда. Деятели английской буржуазной революции XVII века использовали «Великую хартию вольностей» в своей борьбе с абсолютизмом.

7

28 августа 1640 года при Ньюберне (около Ньюкасла) королевское войско было разбито шотландцами.

8

В долине Руннимед 15 июня 1215 года была подписана королем Иоанном Безземельным «Великая хартия вольностей».

9

«Звездная палата» – следственный и судебный орган эпохи английского абсолютизма, получивший название от одного из залов королевского дворца, потолок которого был украшен звездами. Главное орудие тирании Карла I, палата выносила жестокие приговоры противникам короля. Уничтожена в начале революции актом парламента (1641).

10

Пим Джон (1584–1643) – лидер парламентской антимонархической оппозиции, пользовавшийся громадным влиянием.

Купить: https://tellnovel.com/tomas-mayn-rid/belaya-perchatka-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити